

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

У ПОЭТА БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ

В шестидесятые годы она приходила на выступления поэтов во множественном числе, и ее устраивали эффектные ответы на совершенно конкретные вопросы. Но не всегда художественная прочность во времени соответствовала этим ответам. Даже отказалась недавно сниматься в фильме о шестидесятых... И считает объединение новых тогда поэтических имен в один ряд, принятое до сих пор, неправильным, формальным.

— Было и сплыло. Мои коллеги по-прежнему знамениты, но все мы прожили разную и разную жизнь. И мой путь представляется мне, может быть, менее эффективным, связанным с меньшим количеством публикаций, но он был внутренне верным и многое мне дал.

Мне кажется, что время шло мне на пользу, со всеми его разочарованиями, тяготами так называемого времени зстоя. Я много работала, уезжала в достаточно далекие от Москвы места, которые драгоценны для меня встречами с самыми обычными деревенскими людьми, их речью, словами. Я видела созвездия, открытые, например, приокским лугам, лесам, оврагам, и там сами собой приходили высокие мысли о жизни, о том, что с нами есть и будет, и о том, что потом.

И все это отразилось в стихах, где подчас действуют жители тех мест с подлинными их судьбами, корнями, названиями конкретных деревень, природой, которая нежными островками пока еще существует. И стихи последнего времени или,

скажем, относительно последнего — минувших восьми лет, сильно отличаются от прежних. Они вошли в маленькую книжку стихов, вышедшую в прошлом году, и войдут в предполагаемое «Избранное». Сама я никогда не строила дальних планов по поводу своих стихов и книг, никогда не просила напечатать что-либо, этого не было.

Эти благоприятные и, как выяснилось, единственно верные для нее обстоятельства существования Беллы Ахматулиной выбрала сама. И тем не менее ее считают баловнем судьбы. Что она думает об этом? И вообще как относится к легендам, которые окружают ее имя, где ничего про сосредоточенный уединенный труд и очень много про жизнь светскую, экстравагантную, жизнь звезды?

— Моя литературная судьба кажется мне редкостью оригинальной, уникальной. Но никогда баловнем судьбы себя не считала. Я скорее избалована чем-то другим — добротой людей ко мне, соучастием. По свойствам своего характера, изначально нетемного, доверчивого, я умею ладить с людьми, и они отвечают мне тем же. Так что я больше была ими обласкана, чем ранена. Известность моя для меня не тягостна. Легенды — легендами, но я сама по себе живу. Слышу их иногда, но все это меня не трогает. Сила внутреннего существования отвлекает от второстепенного. А людям, с которыми я совпадаю в очереди в магазине, обычно нет до меня дела...

Утешительно, что со мной всегда

очень открыты люди самые простые. Я встречала иногда очень яркие разновидности человеческие и всегда была подавлена тем, что яркости, остроумию, умению видеть то, что другие не видят, сопутствуют неустроенность, неладья на работе и так далее. Во время последних поездок я видела, что перемены в той степени, в которой хотелось бы, еще не коснулись жизни простого народа...

Что думает Белла Ахматулина о быстротекущем времени, в частности о женском времени? Считает ли она, что женщине труднее жить, чем мужчине?

— Мне достаточно много лет, но меня это не тяготит, напротив, я считаю свой возраст удовлетворительным, потому что я действительно стала спокойнее, вглядываюсь в жизнь глубже. И отношусь к ней даже юмористически иногда. И как бы некий итог подведен.

На тему, кому труднее жить, я не размышляла особенно. Что касается русской поэзии, то ее положение в этом смысле уникально, как мне представляется. В XX веке мы видим двух великих поэтов, обе женщины — Ахматова и Цветаева. Я себя с ними соотношу только снизу вверх, с обожанием и преклонением. Мне кажется, что сам этот феномен возникновения двух великих женских имен заставляет людей обращаться к этой теме. Но все-таки обстоятельство пола второстепенно, потому что дело не в поле, а в чуде той звезды во лбу, с которой они родились. А то, что им пришлось претерпеть все, что претерпевают женщины, то судьба и Ахматовой и Цветаевой поражает своим трагическим благородным сюжетом. Но с другой стороны — Мандельштам, скажем. Его судьба также совершенна, и страдания его безмерны.

Трагедии этих поэтов-женщин связаны, безусловно, и с детьми, и с мужьями. Но в высочайшем смысле великий равен великому, и те же Цветаева и Ахматова подчинены необыкновенному мужеству, рыцарской чести и доблести. Ну а то, что они женщины... Надо принимать такого художника, как совершенство, со всеми его качествами, со всеми приметами судьбы, пола и так далее, со всем, что в нем есть.

Что она думает о долге поэта, об отечественной традиции гражданской поэзии?

— Человек, который пишет стихи, да и любой художник, вряд ли рационально следит за собой, но он должен в неусыпном напряжении соотноситься с собственной совестью. Не знаю, может быть, это не входило в удел великих, подлинно великих поэтов. Когда я думаю про подлинно великих, мне кажется, что ни один из них не стоял на крайних границах раздвоения, потому что для него совершить какой-нибудь безнравственный поступок, принять форму грешную просто невозможно. Но про себя как про среднего представителя современной словесности я могу сказать, что нужно пристрастно в себя вглядываться. И поступать именно так, а не иначе, даже в ущерб своему относительному благоденствию. Я так и делала, потому что знала: слово покинет, покинет человека, если он поступится собою, тем, что есть в душе, в угоду корысти, уюту, чему бы то ни было.

«Единожды солгав!..»

— Да, потом никто не поверит. Но и безотносительно к публике... Мой первый урок в этом смысле был как бы легкий, потому что для самой

меня выбора не существовало. Это было в моей совершенной молодости, когда шла травля Пастернака в связи с «Доктором Живаго». Я в первый раз тогда столкнулась с тем, что человеку строго предлагают сделать выбор. Или поступить, как все, то есть отречься и дальше остаться со своей разрушенной совестью, или попробовать отстоять чистоту помыслов своего отношения к предмету. Этот пример был тогда для меня красочно очевиден, потому что я видела молодых людей, которые по совету самого великодушного Пастернака поступили так: он советовал не усугублять его страданий и поступить, как велит. Он не хотел брать на себя еще и печали молодых людей. Но те, кто сделал так, я думаю, страшно прогадали в своем жизненном назначении, разрушение личности наступило так быстро, прямо на моих глазах. И стало убедительным, что потом превозмочь поступок такого рода никаких сил не будет, что стихи этого не простят, они не вернуться, и то, что ты призван был написать — не напишешь. Себя вокруг пальца не обведешь. И этот образ долго проходил у меня через многие стихи, через прозу.

Но в какой бы образ ни вгонять эту опекающую совесть силу, все равно, конечно, это есть мысль о совести и о вине перед другими людьми. В каких бы высоких сферах ни обитал разум, надо подчас сказать и не в рифму то, что ты думаешь. Я боюсь нечистой совести. И у меня были случаи, когда я и в самых высоких инстанциях говорила то, что должна была сказать.

Почему она почти перестала выступать? Внутренние тому причины или внешние?

— Время писать и выступать у меня не совпадает. Мой способ выступать тоже очень изменился. В нем меньше стало эстрадного. То есть по-прежнему некоторая театральность есть, я так оставляю себе человека на сцене: особенный силуэт, особенная повадка, невозможность ходить, пить воду. Но все-таки бумага и чернила — они этим гнушаются. Не осуждают впрямую, они понимают, что это нужно, когда человек сам себя еще раз изъясняет, ищет ответа от людей. Я уже говорила, что публика очень изменилась. Я вижу чуткую, высокоорганизованную часть общества, это, несомненно, люди, которые очень развивались в последнее время. И они несравнимо тоньше по сравнению с аудиторией шестидесятых годов. Тогда искали чаще общественного выхода своим чувствам, сейчас поиски связаны с гармонией, что есть проявление высшего существования человека. И вот это — абсолютно оригинальное явление только нашей страны.

Как удается поэту Белле Ахматулиной быть еще и матерью двух дочерей — Елизаветы и Анны, двадцати и четырнадцати лет?

Мои обязанности соотносятся между собой крайне сложно. Я боялась, что слово отвлекает меня в ущерб детям, но не могла оставить и незащищенное детище речи. Дочери мои получили своеобразное воспитание, они росли в художественной среде, но во всяком случае при них никогда не лгали. Им присущи доброта, жалость к живым существам, к животным.

Женский долг лежит на мне. Люди, приходящие в дом, не очень-то интересуются талантом поэта. Им важнее, бездарна или нет хозяйка дома как хозяйка дома...

Беседу вела
Наталья КРАМИНОВА.